

Михаил Эпштейн
ЖЕНСКИЙ ЭРОС
В ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА
Корень «-ём-» и его производные

Историко-лингвистическое введение

В русском языке много глаголов, описывающих *выпуклое* пространство и способы его простираия: «толкать», «бить», «ударять», «рубить», «резать», «ломать», «колоть», «давить», «теснить», «долбить», «наступать», «разить», «вонзать», «пронизывать», «врываться», «вторгаться»... Гораздо меньше глаголов, описывающих *вогнутое* пространство: «впускать», «вмещать», «вбирать», «втягивать», «обнимать», «охватывать»...

Среди слов, означающих вбирание, ведущую роль играют образования с корнем от «-ём-» («ёмкий», «проём», «обнимать» и др.). «-Ём-» — один из самых многообразных и многозначных русских корней, который выступает в форме следующих чередований:

ём — емл — им — йм — я.

Праславянский носовой звук, из которого развилось «а (я)» в глаголах «взять», «внять», «снять», «обнять» и др., в определенных позициях чередуется с сочетаниями «гласный плюс носовой согласный», например: «объём — объемлет — обнимать — обойму — обнять»¹.

Слова с корнем «ём» могут употребляться для характеристики разных форм вогнутого, «емлющего» пространства, которое обладает собственной активностью «втягивания», «вбирания». От этого корня с первичным праславянским значением «брат, вбирать» образованы многочисленные слова: «взять», «иметь», «взимать», «имущество», «нанять», «найм», «занять»,

«займ», «взаимный», «наёмный», «заёмный», «изъять», «изъян», «изящный», «объём», «обнять», «обойма», «объятие», «проём», «приём», «подъём», «съёмка», «выемка», «ёмкий», «приемлемый», «неотъемлемый», «снять», «поднять», «занять», «понять», «внимать», «внимательный»...

Этот же корень предлагается использовать для обозначения «женского естества», его многообразных действий и состояний.

В русском языке нет особого глагола женской сексуальной активности. Те глаголы, что используются в этом значении либо (1) не являются активными и представляют женщину как пассивное существо, послушно «отдающее себя» мужчине, либо (2) не являются специфически женскими и автоматически переносят на женщин глаголы мужского действия. В какой-то степени этот дуализм отражает архаическое положение женщины в патриархальной культуре, где она либо подчиняется мужчине, либо заменяет собой мужчину, но лишена собственной активной половой роли.

1. Пассивные глаголы, изображающие сексуальное действие женщины как отдачу или помощь мужчине:

2. «Отдаваться» — стилистически нейтральный глагол с оттенком книжности.

«Давать» — весьма просторечный глагол, широко употребляемый в устной бытовой речи.

«Подмахивать» — еще более просторечный и отчасти устаревший глагол с оттенком непристойности.

«Подъебывать» — непристойный, бранный, матерный глагол.

Два последних глагола употребляются в «Заветных сказках русского народа», собранных А.Н. Афанасьевым. «— <...> она лихо подъебать умеет! <...> Вить ей стыдно не подъебывать-то; <...> — Да, правда! Евто ваше ремесло!» (сказка «Доброй отец»).

Все четыре глагола обозначают действие или телодвижение, которым женщина удовлетворяет желание мужчины, идет ему навстречу, пособляет мужскому действию. Этот смысл вторичности выражен и в лексической основе «дать», «давать», и в приставке «под-», которая имеет значение «повторять или сопровождать действия кого-то другого» (ср. «поддакивать», «подтверждать», «подыгрывать»). Все четыре глагола подразумевают, что женщина уступает мужчине, соглашается на связь с ним, поддается его напору и выполняет то, чего от нее требует мужское желание.

3. Активные глаголы мужского действия, которые могут употребляться и по отношению к женщине, подразумевая ее активную роль: она его «употребила», «поимела», «затрахала», «выебала».

Действие, которое этими глаголами приписывается женщине, по смыслу ничем не отличается от мужского и просто передает женщине ту роль, которую в ее отношении обычно исполняет мужчина. Только по контексту употребления, но не по лексическому значению эти глаголы могут быть отнесены к женщине: ей приписывается мужская роль, а собственно женская остается необозначенной².

Лексический пробел в данном случае соответствует культурной лакуне патриархального словаря, где у женщины не должно быть своего глагола, своего способа активного действия. Женское сексуальное действие обозначается либо как пассивное («отдаться»), либо как активность мужского типа («трахнуть»). Между тем в русском языке есть корень — вышеупомянутый «ём-», означающий активное действие свободного пространства, его способность вбирать, втягивать то, что снаружи. Слова «объём», «проём», «выем», «ёмкий» и прочие со значением «содержащий свободное пространство» образованы от исчезнувшего глагола «емати» — «брать, вбирать». В ряде диалектов это значение сохраняется, но только в словах, которые остались местными или вообще вышли из употребления, как архаизмы или историзмы.

У В. Даля приводится много областных и устаревших слов с этим корнем:

Емить (владимирское, костромское) — имать или брать, собирать.

Ем (владимирское) — сьем, наем. Ходить по ёму, по найму... Ём пчелы, взятка.

Ем (рязанское) — сбор, подать, пошлина или взятка.

Емля — росты, лихва, промысел ростовщика и т. п.³

В современном языке корень «ём-» утратил свое исконное значение «брать», «заёмывать», «въёмывать» — осталось только значение объема, т. е. статуарной, пассивной емкости, которая сама больше не «емлет», не «ёмит», а ждет заполнения, вторжения извне. Между тем исконное значение этого корня и мотивация образованных от него слов «объём», «ёмкий» и прочих — именно активное действие: «ёмить», «имать», «вбирать». Формы пространства только потому и обладают объёмностью, что «емлют», втягивают, вмещают в себя.

Эту *действенность* начального смысла мы и предлагаем оживить в новообразованиях, таких как «ёмь», «ёмить», «ёмный», последовательно отличая их от слов, передающих понятие «ёмкости» либо пассивно, как данность (например, «объём, ёмкость, проём»), либо объектно, по отношению к вхождению, вторжению извне (например, «влагалище», «вместилище», «хранилище»).

Таким образом, поиск слов, обозначающих *действие выгнутого пространства*, тягу «*снаружи внутрь*», приводит нас к древнему славянскому корню «jūto», «jēti», индоевропейскому по происхождению, выражавшему активное действие «брать» (ср. лат. «*emo, emere*» — «приобретать»). Первичное значение всех слов с этим корнем — не просто «просторный», «вместительный», но «берущий в себя», «забирающий», «втягивающий». Таков деятельный первосмысл этого корня, который в чистом виде выступает в предлагаемых ниже существительных «*ёмь*» и «*ём*», «*емля*» и «*поёма*», в глаголах «*ёмить*» и «*ёмничать*», в прилагательном «*ёмный*», в наречии «*вём*» и др. Как отдельный словокорень «ём-» утрачен в современном языке и «рассыпан» по многочисленным производным, но вторичная лексикализация этого корня, превращение его в отдельное слово позволяет заново собрать все эти далеко разошедшиеся лексические значения в единую лексему, «*корнеслово*» — слово, состоящее из чистого корня. «*Ёмь*» — это ёмкость, которая обладает способностью «ёмить», т. е. активно брать, вбирать в себя, обнимать собой.

Заметим, что слово «брать», которое чаще всего используется при толковании корня «ём-», неточно передает его смысл, поскольку образовано от другого корня, индоевропейского «*bhaga*» («нести, поднимать») и первично означает специфическое действие рук: хватание, несение, держание («хватать руками», «нести на руках», «держат в руках»)⁴. Отсюда и два глагола, которые в современном русском языке настолько сблизились по смыслу, что образовали видовую пару: «брать» и «взять». Хотя они рассматриваются как совершенный и несовершенный вид одного глагола, но происходят от разных корней с разными значениями. «Брать» — это действовать руками, «хватать»; а «ять» или производное «взять» («взимать»), образованное от корня «ём-» в чередовательной стадии «*я/им*», — это «*ёмить*», действовать не отрезками, а ёмкостями, выемками тела, вбирать в некий объём. Само понятие «ёмкости», «объёма» возникло в языке именно от того специфического действия, которое передается глаголом «(вз)ять»: то, что взимает, занимает, заёмывает, имеет, ёмит. Иными словами, «объём» или «ёмкость» — это не пассивноеместилище, а активно емлющее, берущее в себя, но берущее не «руками», не выдающимися членами тела, а его ёмкостями, *ёмями*, проёмами, к числу которых относятся и уши, которые «*внимают*», и ум, что «*понимает*».

Представление о «ёмкости» или «объёме» как пассивномместилище, заполнение которого происходит вторжением со сторо-

ны, а не его же собственным действием «емли», взятия, вьятия, поятия, внимания, понимания, — это своего рода проекция мужески-патриархального активизма на лексическую систему языка, одностороннее истолкование слов, относящихся к частям и действиям тела (*соматонимика*). Активное действие приписано рукам, выдающимся, «выпуклым» членам. Наоборот, вдающиеся, вогнутые, ёмкие и емлющие части тела, «ямки», «ложбинки», «вместилища», представлены пассивными, податливыми, отдающимися, как будто у них нет собственной энергии и потенции «ять», «ёмить», «имать», «взимать». Глагол «взять» сведен к видовой паре глагола «брать» и оторван от своих начальных смыслов, укорененных именно в активной способности «ятия». Иначе говоря, *женский* глагол «взять» подчинен *мужскому* «брать», а корневые, первородные слова «ём», «ёмить», «емля» вообще исчезли из языка, как активные первосмыслы. Они растворились в своих производных, которым приписано либо пассивное значение «вместилища, ёмкости», либо духовного действия восприятия — «внимать, понимать». «*Ём*» как *иной вид брания*, «*ятие*» и «*емля*» как *альтернатива мужскому вторжению, хватанию, пронзанию* и т. д., было выведено из лексической системы языка как самостоятельное действие женского начала, подрывающее основы мужского гегемонизма. «Ём» было сведено до функции вмещать в себя мужское, быть объёмом и ёмкостью, заполняемой волей, желанием, действием мужчины.

Эта же семантика патриархального сознания — точнее, бессознательного, как оно выражается в языке, — обнаруживается и в обозначении женского естества как «*влагалища*», т. е. места, куда мужчина «влагает» себя. «Влагалище» по своему внутреннему образу лишено активности, оно служит только местом «вложения», хранилищем мужского, «прибежищем» его желаний. У В. Даля значение этого слова толкуется так: «вместилище, вещь, служащая для вложения в нее другой; мешок, кошёлка; чехол, ножны, футляр» (Т. 1. С. 226).

Вообще «влагалище» — выразительное слово, удобное для употребления в литературном языке. Двухзначность морфокомплекса «*влаг-*» («*влагать*» и «*влага*») создает дополнительное чувственное напряжение, передавая «влажность» того, куда «влагает» себя мужчина. Причем «*влаг-*» сочетается с суффиксальным наращением «*ищ-*», передающим эластичное растягивание, дление пространственного тела, его простираение, вместительность, простертость, как и в других словах с тем же суффиксом — «*прибежище*», «*хранилище*», «*вместилище*», «*корневище*»... Но слово «влагалище» книжное, в нем есть «важность» и

длиннота, которые в современном тексте выбиваются из стиля и ритма. В нейтральном стиле у него нет соответствий: матерное «пизда» и медицинское «вульва» не могут его заменить (так же, как не покрывают средних стилевых зон современного языка матерное «хуй», научное «пенис» и архаическое «фаллос»).

Следует особо подчеркнуть, что образования от корня «ём-» никак не сводятся к сексуальным значениям, но могут обозначать разнообразные отношения в пространстве, интеллектуальные и эмоциональные действия, связанные с взятием вовнутрь, активным охватыванием, действием большего по отношению к меньшему и т. д.

ГИНЕКОН

Проективный лексикон женского эроса

В этом лексиконе приводятся 27 слов с толкованиями и примерами употребления, взятыми из разных речевых стилей — от книжного до разговорного и от научного до фольклорного.

Ёмь — ПРОСТРАНСТВО ВСЕХ ИЗМЕРЕНИЙ

Ёмь — общее название для всех измерений пространства: глубина, выси, шири и дали; ёмкость, объёмность, просторность, распаханность, вместимость; женское начало бытия, естество, лоно; то, что *ёмит*, вбирает, затягивает в себя; нутро, скрытая суть, главное содержание.

«Ёмь» отличается от близкого по значению слова «простор», поскольку указывает на свойство свободного пространства втягивать, захватывать в себя, а не просто простираться, расти во вне. За словами «простор» и «ёмь» стоит совершенно разная геометрия. Простор — то, что простирается, имеет свойство расширения, экспансии наружу; *ёмь*, напротив, — то, что втягивает, вмещает, «въемливает» в себя. У пространства могут быть две формы активности: распространение вширь и вбирание в себя, движение «изнутри наружу» и «снаружи внутрь», которые передаются соответственно глаголами «простираться» и «ёмить». Простор — это центробежное, а *ёмь* — центростремительное движение пространства.

Примеры употребления:⁵

Ты посмотри, какая вокруг *ёмь*: воздух гулкий, плавкий, растягивается на все четыре стороны — и сам втягивает в себя. Кажется, бросишь шапку — он ее проглотит и выплюнет вон за тем лесом.

Пока наша вселенная находится в стадии расширения, она лучше описывается понятием «простор», но, как только она вступит в фазу сжатия, потребуется понятие «ёмь» для ее описания. Если простирание вселенной было задано большим взрывом, то возрастание *ёмности* приведет, как предполагают физики, к большому схлопу: вселенная постепенно вожмется сама в себя и станет бесконечно *ёмной* в бесконечно малом интервале «пространства — времени».

«Нигде на свете нет такой *ёмь*, как в России, — мечтательно произнес Закиров. — Есть страны с более высоким уровнем жизни, с более глубокими культурными традициями, а вот чтобы так было *ёмно* вокруг — нет, такого я нигде не встречал».

В русскую *ёмь* мало кто нашел вход, а вошедшие не сумели найти выхода. В нее как в смерть уходят — назад не возвращаются и вестей не приносят.

«Нет, Николай, в *ёмь* этого вопроса ты еще не вошел, скользишь по поверхности».

ЁМИТЬ — ДЕЙСТВОВАТЬ ПО-ЖЕНСКИ

Ёмить
Поёмить
Ёмиться
Поёмиться
Ёмить-поёмить
Заёмить
Ёмничать

Ёмить — активно вбирать, захватывать в себя. Этот глагол описывает действие самой *ёмь*: объемов, ёмкостей, вместилищ, влагалищ, которые не просто служат местом вторжений, но сами «ёмят», «ёмничают», втягивают в себя, обнимают собой. Выделяются три основных значения глагола: пространственное, интеллектуальное и сексуальное действие.

1. Втягивать, вбирать, засасывать (как тяга пустого или вогнутого пространства).

«Ёмить» может употребляться и как безличный глагол категории состояния, противоположный по значению таким глаголам, как «дуть», «брызгать», «хлестать». Например, «дуть» — выбрасывать струю воздуха, а «ёмить» — втягивать в воздушную воронку.

Странное его окружало пространство: *ёмило* со всех сторон. Казалось, то справа, то слева открывались незримые выюшки и туда уносило снежинки, только что парившие у него перед глазами. Можно было бы сказать «дуло», только это был не выпуклый, а *вогнутый* ветер. Всюду была *ёмь*.

Ёмло всё сильнее: вещи начинали срываться с мест, сначала уносились куда-то вперед, потом стали разлетаться по сторонам. «Приближаемся!» — восторженно закричал Севастьянов и схватился за голову: у него унесло шлем.

2. Активно постигать, захватывать умом.

Ёмишь ты или нет?.. Понять мало — надо еще и *ёмить* проблему, вытягивать из нее всю цепочку причин и следствий. А ты слушаешь — и не спрашиваешь. *Ёमितь* — это уметь задавать вопросы.

3. Глагол женского сексуального действия: активно принимать, «имать», вбирать в себя мужчину.

В этом значении «*ёмить*» — конверсив глагола мужского действия «*ярить*»⁶. «Конверсия» — способ выражения субъектно-объектных отношений в эквивалентных по смыслу высказываниях. Слова «муж — жена», «тяжелее — легче», «продавать — покупать», «перед — за» — конверсивы, поскольку одно и то же значение можно передать двояко: «Иван — муж Марья» или «Марья — жена Ивана»; «Петр продает Семену» или «Семен покупает у Петра»; «я стою перед вами» — «вы стоите за мной»...

В данном случае: «солнце *ярит* землю» — «земля *ёмит* солнце».

«Приходи ко мне вечером, — шепнула она ему на прощанье. — Навивочкой угощу. Всю ночь тебя *ёмить* буду».

Девка — огонь: пристанет к парню, уведет на сеновал — и давай *ёмить*. До зари так *уёмит*, умает, что парень потом мотается за ней как присушенный. *Ёмная* девка. И не жадная, всегда поделиться готова. Мил-дружка *поёмила* — с подругой познакомила.

Ёмиться — соединиться с мужчиной, вступить в половую близость.

У нас бабы по этой части охотливее мужиков. Те дурью маются по пьяному делу, а эти приберутся, принарядятся, накроют на стол... — очень *ёмиться* горазды.

Жизнь теперь легкая, без особого подхода. Сегодня знакомятся, а завтра и *поёмятся*.

«Ну что, Вася, когда в гости позовешь? Если мамки боишься, то сам ко мне приходи — почаевничаем, полюбовничаем, *поёмимся* маленько».

Тяжелая была жизнь у женщин тех времен — приходилось изворачиваться, о чем и пелось в народной песне:

С начальником *поёмилась* —
Пред мужем оскормилась.

Ёमितь-поёмить — усиленно, страстно заниматься любовью.

Привела к себе солдата молодая вдова, чарочкой угостила — и давай *ёмить-поёмить*. Солдат сначала растерялся от такого натиска, но потом, блудя воинскую честь, стал в ответ ее наяривать, так что дело они завершили вполне полюбовно.

Заёмить — этот глагол имеет два прямых значения:

1. Заловить в *ём*, завлечь, заманить, залучить для люблей-*ёмли*.

Федька только с парнями ходил, машинами да футболом интересовался, на девок вообще не глядел, пока Танька его не *заёммила*.

2. Утомить, изнурить, уморить, умучить, измотать, заездить, умаять люблей-*ёмлей*.

Справный был мужик — а *заёммила* его вконец эта чертова баба. По-чернел, высох.

3. «*Заёмить*» может иметь и переносное, расширительное значение: заполучить, присвоить, «захомутать».

Ты с Нюрой лучше не связывайся. Она баба радушная, но прилипчивая. *Заёмит* — так уже не отпустит.

Ёмничать — действовать, играть *ёмом*, сжимать и отпустить, вбирать и выталкивать.

А ты заметил, как *ёмничает* русская равнина на каком-нибудь пригорке или овраге? Так *заёмит* проезжего — еле выберется. Об этом еще Пушкин писал:

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня...

— Да, «Бесы». Бешенство матки-земли, крутолюбой *ёми* нашей.

Она любит в постели поговорить, прямо энциклопедия лежачая. То о театре, то о политике. Я ей говорю: «Ты не умничай, ты лучше *ёмничай*».

Емля — ДЕЙСТВИЕ ПО-ЖЕНСКИ

Ёмля
Ёмие
Ятие
Поёма

Емля — вбирание, овнутрение, втягивание, действие полого

пространства по отношению к тому, что вовне; действие женщины по отношению к мужчине, соитие.

Чередование «м» с «мл» приводит к появлению ударного «е» вместе «ё» в корне, поскольку непосредственным источником образования данного слова представляется форма «*ёмлет*», а не «*ёмить*».

Ёмля как действие *ёми* или *ёма* может иметь разные значения и происходить в разных планах: космическом, интеллектуальном, сексуальном...

Реже употребимы синонимы: *ёмие*, *ятие*. Более специфически они указывают на однократное действие, тогда как «*ёмля*» обозначает процесс в целом.

Ученые всё знают, даже сколько *ятий* случается в среднем за одну *емлю*.

«Главное в женщине — способность к *ятию*, душевному и телесному, — проповедовал Десницкий новое учение, которое его ученики называли “жёнопра́вием”, “жёноя́тием” или “жёноёмием”. — Для женщины *ятие* не означает только приятие или восприятие мужчины, как учила старинная мораль. Это значит — способность окружить его собой, сделать частью чего-то большего. Мужчина идет к женщине не затем, чтобы взять, а чтобы отдаться, влиться и раствориться. Мужчина хочет войти в *ёмь* бытия, в необъёмность, необъятность. *Емля* — это космическое действие, каким большое *емлет*, вбирает в себя малое. Мы учим мужчину отдаваться. Он обретает силу по зову женщины. Такой мужчина не способен к насилию: он потенциен, но не агрессивен. *Мироёмие* — это практика почитания *Ёми* как главной силы мироздания. Не вакуума, как в «мужской» физике называется это «нулевое» состояние материи, а именно *Ёми* как великой активности, исходящей из Ничто».

Зал молчал, а на глазах у некоторых женщин выступили слезы. «Наконец-то, — шепнула Марина подруге. — Это не пустые феминистские байки. Начинается наше время — Великая *Ёмь*».

Поёма — действие женщины по отношению к мужчине; то же действие с несколькими участниками, игрище. В отличие от слегка книжного слова «*ёмля*» слово «*поёма*» носит более разговорный характер, с оттенком простонародного, фольклорного употребления.

Вашего Ерёму
На завáдишь на *поёму*.
А наш Федот
Всегда пойдет.

«Приходи на *поёму*, — шепнула Катя своей лучшей подруге Лизе. — Только никому не рассказывай. Нам много девок не надо».

Ём — ПРОСТРАНСТВО В ЖЕНЩИНЕ, ЖЕНЩИНА КАК ПРОСТРАНСТВО

Ём
Ёмище
Уёмище
Ёмка
Ёмочка
Ёминка
Ёмушка
Ёмница
Ёмщица

Ём — глубокое, нутряное, сокровенное место; женское естество, лоно; бездна, проём.

Слово «ём» — это вторичная тематизация и лексикализация корневой морфемы «ём-» в таких словах, как «ёмкий», «объём» и др.

В любом деле хорош совет: не поверху скользить, а в *ём* забирать.

Ты прости, но эта книжка твоя — плоская. Нет в ней настоящего *ёма*, чтобы забрать читателя.

Ярко в русской культуре было много, а вот яристого, такого, чтобы пробрало матушку-Россию до самого *ёма*, — почти ничего не было.

«Ну что ты кисель разводишь: “Пенье соловья, голубой цветок...” Надо писать коротко и ясно: “Он вонзился во влажный *ём* ее тела”».

Сравнение слов «*ём*» и «*ёмь*». *Ёмь* — более общее понятие, чем *ём*; между ними такое же соотношение, как между «высь» и «высота» (в значении «высокое место») или «глубь» и «глубина» (глубокое место). Сходное отношение может быть установлено между «сонь» (сонное царство) и «сон» (единичный); «цветь» (царство цветов) и «цветок» (один из многих). «*Ём*» — это конкретно очерченное проявление *ёми*. Если *ёмь* охватывает все измерение пространства, то *ём* находится внутри пространства как одна из предметных форм и воплощений *ёми*.

Ёмище — большой *ём*.

Приснилось мне *ёмище*, и помню, что ужаснулся не столько его вида, сколько самого слова, ты послушай, как звучит — «*ёмище*»!

«Ё-мое, ну и *ёмище*! — восхитился Петрицев, стоя на краю Гранд-Каньона. — В России такого нет. Интересно, какой *яр* его выдолбил».

Уёмище — особый тип хищного, хваткого пространства; прорва, то, что умывает, складывает в себя и не возвращает обрат-

но. В противоположность убежищу, куда скрывается гонимый, *уёмщице* само заглатывает и не отпускает.

Это не роковая женщина и не вамп — то были бы слишком легкие, романтические определения. Это женщина-*уёмщице*, мужское кладбище.

То место, куда проникает Сталкер в фильме Тарковского, можно назвать *уёмщицем*. Это огромное, ручьистое, хлопающее лоно матушки-земли.

Вела меня жизнь и по кручам, и по ущельям, но в такое *уёмщице* я еще никогда не попадал. Чудом вырвался.

Ёмка — разговорное название *ёма*, женского лона.

Ты чего, бесстыжая, *ёмкой* вертишь, кобеля зазываешь.

Эх, Надя, как же ты *ёмку* свою не уберегла. Кто тебя теперь замуж возьмет?

Ёмочка — уменьшительно-ласкательное от «ёмка».

Куда ни ступит Тёмочка,
Ему навстречу *ёмочка*.
Тёма, Тёма, не зевай,
Нашу *ёмку* засевай.
Он её затёмит,
Она его *заёмит*.

Мы с ней в аккурат подходим друг другу. Наконец-то мой неуёмный нашел свою *ёмочку*.

Где моя любимая *ёмочка*, как же она соскучилась без меня?! — запритал Спешнев, не замечая насмешливого взгляда жены.

Приходи, милой дружок,
На веселой вечерок.
Рюмочку пригубишь,
Ёмочку прилюбишь.

«*Ёмка*», «*ёмочка*» могут быть отнесены и к женщине, если с ней связывают интимные отношения (в значении «милочка, возлюбленная, любовница, подруга»).

Он свою *ёмку* наряжает теперь в меха и бархат. Богатеет мужик — а вкус портится.

Он всюду появляется со своей *ёмочкой*, которая половины не понимает из того, что говорится вокруг.

Ёминка — ложбинка, извилина, складка, бороздка, выемка; особенность, прелесть, изюминка.

Красивая, статная женщина — а какой-то *ёминки* ей не хватает, не поймешь, в чем дело.

«Я познакомился с одной девушкой. У нее такая *ёминка* в вырезе — закачаешься!»

Ёмушка — ласковое название или обращение к близкой женщине в значении «подружка», «голубушка».

Ну что, куда сегодня поедем, *ёмушка*, в лес или на озеро? Везде гладь-благодать, трава-мурава.

Ёмница, *ёмщица* — любовница, сожительница, близкая подруга.

Зачем он свою *ёмщицу* на банкет пригасил? Здесь только семейные пары.

Ах ты моя *ёмница*-умница, как же ты меня ублажила!

ЁМНЫЙ, *ЁМНО*: ЖЕНСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И НАРЕЧИЯ

ЁМНЫЙ
ЁМИСТЫЙ
ЁМНОСТЬ
ЁМНО
ВЪЁМНО
ВЪЁМ

Ёмный — просторный, забирающий в себя, открытый и ищущий заполнения; относящийся к *ёму*; склонный, охочий к *ёмле*, расположенный к иному полу (о женщине).

Между «ёмкий» и «ёмный» — заметная разница в значении. «Ёмкий» — объёмный, способный вместить в себя большое количество чего-то. «Ёмный» скорее означает «склонный принимать, вбирать в себя», не просто вмещающий, но вытягивающий, вовлекающий, ищущий заполнения своей ёмкости.

Выделяются пространственное, интеллектуально-эмоциональное, сексуальное значения этого прилагательного:

Как сказать о силе, которая влечет Пушкина, Гоголя, Достоевского к России — сразу и вглубь ее, и вдале, и ввысь? «Ёмкая»? — Нет, язык не повернется. *Ёмная* это сила, потому что и даль, и глубь, и высь — это всё она, *ёмь*.

У Гёте был необычайно *ёмный* ум. Он не только многое в себя вмещал, но и жадно вытягивал в себя новые знания, что и позволило великому поэту стать признанным авторитетом и в ботанике, и в палеонтологии, и в учении о цвете.

Справная баба, *ёмная*, с такой будешь как сыр в масле кататься.

Там две подружки: брюнетка и блондинка, одна томная, другая – *ёмная*... Выбери любую.

Женщина *ёмная*, да умная: дорого возьмет, и не деньгами, а затратами ума и души. Выслушает, оценит. За просто так ее не получишь.

«*Ёмная сила*» – междометное выражение, восклицание со значением удивления, застигнутости врасплох или возмущения, возмущения.

Ёмная сила, Любушка, как же ты меня испугала, набросилась в темноте.

Ёмистый – то же, что *ёмный*, но с большей степенью качества. Суффикс «-ист-» выражает более сильное присутствие признака, чем суффикс «-н-», и вместе с тем придает слову более разговорный оттенок. Ср.:

Объёмный – то, что имеет объем, относится к объёму.

Объёмистый – то, что имеет большой объём, способно много обнять.

Иван – *яристый* хлопец, девки от него млеют.

Марья – *ёмистая* девка, не дает спуску парням.

Ёмность – существительное по значению прилагательного «ёмный».

Ёмность этого, казалось бы худенького, тела заряжала его прежде неведомой силой.

Ёмность – в природе вещей. Это только кажется, что действие исходит от деятеля. На метафизическом снимке проступают бесчисленные втяги, охваты, обжимы, засосы, какими вещи добиваются от тебя всего, чего хотят. Каждая вещь – маленькая вьюшка. Вот если бы фотосъемка была действительно съёмкой, умела воспроизводить эти *ёмности*, тяги, минус-формы в явлениях!

Ёмно, въёмно, въём (наречия) – вводя или впуская внутрь, в *ём*; глубоко забирая в себя.

На сердце у него в этот вечер было *ёмно*: просились туда воспоминания далеких дней и видения близкого будущего.

Она сильно и *ёмно* приняла его, с таким всплеском, как будто хотела утопить в себе.

Въёмно ласкались, переворачивались, катались по всей полянке – и всё им было мало места. Казалось, что так, не разнимаясь, они могли бы раскатиться по всей земле, только бы им оставаться друг в друге.

И *въём*, и в разём – им одинаково хорошо было друг с другом.

Вместо послесловия Почему я не люблю мата

Мат в России – больше чем мат, т. е. одна из многих лексических подсистем языка. Мат выступает как бытовая идеология общества, полубессознательная система ценностных или, точнее, «обсценных» установок. Термин «обсценный» (непристойный), хотя и заимствован из английского языка (*obscene*), удачно подчеркивает, в духе народной этимологии, то «обесценение», которое активно проводится матом по отношению ко всем ценностям жизни. «Верхние», государственные, идеологии – от монархизма до коммунизма, от национализма до либерализма – приходят и уходят, а мат остается, определяя и интимные, и дружеские, и полупубличные формы общения.

В советское время, на фоне высокопарного *словоблудия* официальной идеологии, *блудословие* мата приобрело обаяние «честного», «сочного» слова. Мат в литературных текстах стал восприниматься как чуть ли не диссидентство, форма свободомыслия, и эта культура «протестного мата» достигла вершины в произведении Юза Алешковского, о чем впоследствии с нежностью писал Андрей Битов. Но лишь по форме *матерный диалект низов* противостоял *диалектическому материализму верхов*: между ними было глубинное сродство. И матерное, и материалистическое мировоззрения содержат общий «посыл по матери», кровосмесительную формулу, богохульный и сквернословный смысл которой не меняется от того, что облекается в наукообразные понятия типа «материя первична, а дух вторичен». «Мат», или «посылание по матери», имеет в русском языке тот же корень, что и «материя» (а «материть», как переходный глагол, соответствует непереходному «матереть»).

Связь их можно порой проследить в каламбурах, выражающих «отношения остроумия к бессознательному» (если воспользоваться названием работы Фрейда). В конце 1920-х – начале 1930-х годов среди ироничной советской научной элиты имел хождение каламбур: партийное начальство обожает *диалектический материализм*, тогда как массы предпочитают *матерный диалект*. Если вдуматься, эта шутка имеет в виду не противопоставление материализма и матерщины, а их неожиданное сближение. Партия и народ едины в своем обращении с матерью-материей: верить в первичность материи, отделять ее от Отца (Бога) и отдавать в полную власть сыну (человеку) – это на философском языке означает то же самое, что в вульгарном просторечии – послать в материнское лоно⁷.

Когда речь заходит об интимных отношениях, современный русский язык не предоставляет большого выбора говорящим. Либо мат, сквернословие, либо книжные слова и медицинские термины: «совокупление», «половой акт», «копуляция». Есть ли такие слова, которые могли бы откровенно обозначить эту сферу жизни — и вместе с тем не нарушить речевой этики, оставаться в границах литературного приличия?

Бросить вызов мату невозможно сочинением «из ничего» новых, небывалых слов, которые конечно же никогда не привьются. Мы пытаемся задействовать те древнейшие индоевропейские и общеславянские слои языка, которые залегают глубже и более органичны для русского языка, чем матерщина. Речь идет о славянских и индоевропейских корнях мужского и женского действия — «яр» и «ём» и их производных, которые откровенно обозначают половые признаки и действия и вместе с тем могут прилично употребляться и в литературе, и в разговоре. Они стилистически нейтрально описывают ту сферу человеческих отношений, которая покрывается тремя основными матерными корнями: «хуй», «пизд» и «ёб».

В отношении полового акта можно выделить, как мне представляется, следующие стилиевые зоны:

Низкая

- ебать (матерное);
- *трахать, драть, тыкать, харить, бросить палку, дать, сношать* (просторечное, вульгарное).

Средняя

- *ярить, ёмить, отъярить, заёмить* (разговорно-литературное, экспрессивное);
- (пере)спать (с кем), сойтись (с кем) (разговорно-литературное, неэкспрессивное);
- *вступить в половую связь, совершить половой акт, сожительствовать* (канцелярское).

Высокая

- *овладеть, отдаться, совокупиться* (книжное);
- *пенетрировать, копулировать, совершить коитус* (научное).

Особенность слов с корнями «яр» и «ём» — не только в том, что, в отличие от мата как вульгарной лексики, они стилистически нейтральны, но и в том, что, в отличие от мата как бран-

ной лексики, они *положительно экспрессивны*. Мат — это весьма экспрессивная, оценочно-выразительная лексика, исторически возникшая как нарушение табу, как ругань, проклятие. Поэтому делу не только в том, чтобы найти стилистически средние слова — в роли таковых выступают «(пере)спать», «сойтись», — но чтобы эти слова обладали *иной экспрессией*, чем матерные, чтобы в них звучало не презрение и брань, а радость, пыл, страсть. «Яр, ярить (от того же корня, что «Ярила», славянское божество весеннего плодородия), ёмь, ёмить» и другие слова, образованные из древних индоевропейских и славянских корней, мне представляется, могут воплощать эту экспрессию.

Мат — это *тематико-стилистически-экспрессивная* группа слов, причем все три параметра в ней пересекаются:

- *тематическая* отнесенность к так называемому «телесному низу», особенно к половой сфере;
- *стилевая* отнесенность к просторечной, вульгарной, непристойной, обценной лексике;
- *экспрессивная* отнесенность к бранной, ругательной, проклинательной лексике.

Следует различать между *стилистической* окраской, которая может быть нейтральной, высокой, низкой, торжественной, просторечной — и *экспрессивной* окраской, выражающей отношение говорящего к предмету: положительное и отрицательное, одобрительное или презрительное, серьезное или ироническое. Например, слово «мерзопакостный» имеет отрицательную экспрессивную окраску, но относится к высокому, книжному, архаическому стилю. А выражение «классная чувиха» имеет вполне одобрительный смысл, но относится к вульгарному стилю, просторечию.

Слова «совокупление» и «половой акт» относятся к книжной и научной лексике и лишены какой бы то ни было экспрессивности. Мы отсылаем читателя к известным штудиям Б.А. Успенского, посвященным «матерно-экспрессивным» аспектам русского лингвистического субстрата (что включает в себя все важные учёно-мифологемные коннотации). Но разве язык обречен только на такой выбор: либо выразительно-ругательные слова, либо сухие, чисто назывательные, лишённые эмоциональных оттенков? Разве у *любви*, у эроса не может быть в языке своей положительной экспрессии, выражения восторга, упоения, наслаждения? Слова с корнями «яр» и «ём» растут из той древней мифологической, индоевропейской почвы русского языка, где имя Ярилы священно, где эрос еще не подавлен и не осквернен, не воспринимается как кощунство и не служит средством

или предметом проклятия. Слова «ярить», «яристый», «ёмить», «ёмистый» и пр. выражают горячее, страстное, вовлеченное отношение к тому, что они обозначают. Эти новообразования с корнями «-яр-» и «-ём-» я бы назвал *неомифологическими*, поскольку они пытаются возродить ту жизнестроительную экспрессию, что свойственна древним культам плодородия, где названия половых признаков и отношений выражают страсть, воодушевление (разумеется, речь идет о первообразном смысле корней, о жизни языка, а не о возрождении самих этих культов).

Что касается матерных слов, то они не просто относятся к низкой, точнее нижайшей, стилевой зоне, но, как правило, имеют и отрицательную экспрессию, выражают насмешливое, наплевательские-безучастное или ругательно-презрительное отношение к обозначаемым явлениям. Вот почему я не люблю мата (хотя признаю его художественные возможности, в частности, для речевой характеристики персонажей, в том числе лирических). Мат оскорбляет то, что я люблю, что лежит в природе вещей, что освящено Творцом («плодитесь и размножайтесь»).

Иногда о матерщиннике говорят: «Вот как он *выражается*». Выходит, что «выражаться» и «браниться» — это синонимы, что только брань по-русски и выразительна. Во всяком случае, когда говорится «про это». Неужели нельзя *выражаться* страстно, любовно, увлеченно, пылко? Если мат берет своей выразительной силой, то нельзя противопоставлять ему канцелярщину типа «сожитительство», «половые отношения». Нужна выразительность, но восходящая, пробуждающая. Вот слово «Ярила» мне представляется очень выразительным, даже возбуждающим, и та же «ярная» сила, надеюсь, входит и в другие образования от того же корня. Неужели по-русски может быть только «Лука Мудищев» и не может быть своей, непереводаемой Песни Песней?

Матерные слова непристойны вовсе не потому, что они обозначают «это», а потому, что они «это» низводят до предмета издевки и проклятия. Матерщина, если попытаться определить выраженное ею состояние, — это злобное бессилие, раздраженное состояние человека, которому хочется плюнуть в источник жизни, потому что нет желания или сил черпать из него. *Мат* — это *выражение инстинкта смерти*, который прежде всего обращается против пола, против корня и влаги жизни. Огромная опасность нависает над обществом, язык которого так пронизан хулой на жизнь, страсть, рождение. Ведь язык — это не просто сотрясение воздуха, это система понятий, оценок и смыслов, по

которой мы действуем, мыслим, организуем себя. Как ни странно покажется на первый взгляд, но катастрофическая убыль населения в России и беспрецедентное количество абортующих напрямую связаны с разливом матерщины, презрительно-глумливым отношением к полу, как оно выражается в языке.

И не только к полу, а к жизни вообще. Ведь если всё в мире «хуйня» и «говно», если в отношениях друг с другом люди «пиздят», «бздят», «подъёбывают» и «берут за жопу», если работают они до «охуения» и «остоебения», то многократными актами такой экспрессивной речи жизнь постепенно превращается в то, чем она представляется говорящим.

Приведу высказывание филолога и «матолога» Юрия Левина:

Легко представить себе мир, описываемый лексикой [мата] <...>: мир, в котором крадут и обманывают, бьют и боятся, в котором «всё расхищено, предано, продано», в котором падают, но не поднимаются, берут, но не дают, в котором либо работают до изнеможения, либо халтурят — но в любом случае относятся к работе, как и ко всему окружающему и всем окружающим, с отвращением либо с глубоким безразличием, — и всё кончается тем, что приходит *полный пиздец*»⁸.

Представляется, что не только язык, но и судьба всего общества зависит от того, продолжит ли оно «посылать по матери» (всех и самое себя) — или в нем возникнет положительная экспрессия слов, любящих свой предмет, любящих саму любовь...

Запрет на обсуждение бранных слов уже снят. Но творческие, т. е. в плане создания иного экспрессивного слоя эротического языка, альтернативных слов и выражений, этот вопрос не обсуждался. Между тем мат становится своего рода общенациональной теневой языковой валютой, как во времена бурной денежной инфляции значение всеобщего эквивалента передается натуральным продуктам — мешку картошки, батону хлеба, бутылке водки. Инфляция знаменательных слов и их значений приводит к росту *междометности* в языке, засилию «утробных», «жвачных» выкриков, отрывиваний и отругиваний. Как замечает писатель и журналист Игорь Шевелев:

Логику в России заменил мат. Более-менее развитые дискурсы снимаются эмоциональной вспышкой, при которой четырьмя словами и их производными заменяется, по сути, большой академический словарь. Тут кончается цивилизация и начинается Россия, у границ которой напрасно будет томиться то НАТО, то Наполеон. Пока есть мат, Россия неисправима⁹.

Оматерение страны иногда оправдывают тем, что живется трудно, страшно, и мат — «эмоциональная вспышка» — будто бы разряжает отрицательные энергии, скопившиеся в душе:

выругаешься – и полегчает. Вроде бы так, но, разряжаясь руганью, заряжаешь ею окружающий воздух, близких и дальних, и те самые отрицательные энергии, которые вытолкнул из себя, возвращаются к тебе усиленными вибрациями.

Еще одно утонченное оправдание мата, недавно высказанное на ТВ писателем Виктором Ерофеевым, состоит в том, что по мере распространения в обществе он теряет свою *матерность*, табуированность. В эпоху своего постсоветского разлива русский мат как бы «разрушает себя изнутри» и скоро станет предметом ностальгии; нужно не гонения на него устраивать, а беречь как вымирающий вид речи, как хрупкое национальное достояние. Но ведь сам Виктор Ерофеев пишет в книге «Мужчины»:

Я никогда не назову мужские гениталии постыдным постным словом *член*. Хуй есть хуй, и я буду писать это слово с заглавной буквы, как в слове «Родина». Я вычеркиваю его из словаря нецензурных слов.

Что же, устраивать поминки по русскому мату, скорбеть об утрате его первородной силы, если сам «русский писатель» снимает с него табу и цензуру, ставит в тот же торжественный ряд, что и «Родину»?

То, что Ерофеев говорит о *стилевои самоубийстве мата*, отчасти верно: распространяясь среди тех слоев населения и в тех общественных кругах, где раньше мат не допускался (интеллигенция, литература, журналистика, политика, парламент), мат постепенно переходит из крайне вульгарной, непристойной зоны просторечия в разговорную и даже отчасти литературную зону. Но, стилистически приподнимаясь, точнее расходясь вширь, мат не утрачивает своей унижительной экспрессии, своей бранности, похабности, установки на оскорбление и бесчестие. И такая *стилевая карьера мата*, его восхождение по ступенькам приличия в хорошее и даже высшее общество означает только то, что само общество роет себе языковой котлован. Да, стоит пожалеть о мате, который теряет свою убийную силу – силу заклятия, святотатства, нарушения табу. Но еще больше, наверное, стоит пожалеть об обществе, в котором *мат* уже почти никому не режет слуха.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. «емлю», «имать» в изд.: *Фасмер Макс*. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. С. 19; «взять» в изд.: *Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка. Киев: Радянська школа, 1970. С. 70.

² Помимо пионерского исследования Бориса А. Успенского (Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Semiotics and the History of Culture*. Ohio, 1988. С. 197–302) здесь, вероятно, стоит также упомянуть поистине титаническую и подвижническую работу, которую осуществляет Алексей Плауцер-Сарно в деле каталогизации и дальнейшего осмысления всего комплекса русской бранной лексики на протяжении ее исторического развития. См. его блистательную и немало шумевшую монографию: *Плауцер-Сарно А.* Материалы к словарю русского мата: Опыт построения справочно-библиографической базы данных лексических и фразеологических значений слова «хуй» (19 значений, 9 подзначений, 9 оттенков значения, 23 оттенка употребления слова «хуй», 523 фразеологических статьи, в которых представлено около 400 идиом и языковых клише и более 1000 фразеологически связанных значений слова «хуй»). М.: Лимбус-пресс, 2001. См. также его каталог: Библиография словарей «воровской», «офенской», «разбойничьей», «тюремной», «блатной», «лагерной», «уголовной» лексики, изданных в России и за рубежом за последние два столетия // *Логос*. 2000. № 2. С. 222–226. И, кроме этого, например, такую его небольшую работу: Матерный словарь как феномен русской культуры // *Новая русская книга*. СПб., 2000. № 2. С. 74–80. Неплохая библиография по данному вопросу содержится также в изд.: *Мокшенок В.М.* Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // *Русистика*. Берлин, 1994. № 5. С. 50–73. Заметим, что дело дальнейшего «размывания» границ «лексически допустимого» и «литературно-возможного» получило фундаментально важный импульс благодаря недавнему текстологически безупречному и научно выверенному критическому изданию лицейской баллады А.С. Пушкина, см.: *Пушкин А.С.* Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы. М.: Языки славянской культуры, 2002, осуществленному московскими филологами М.И. Шапиром и И.А. Пильщиковым. Авторство Пушкина в отношении данного (во многом нецензурно *матерного*) текста можно считать однозначно и позитивно установленным – как, в частности, недавно заявил академик РАН В.Н. Топоров в прениях по докладу И.А. Пильщикова и М.И. Шапира «Еще раз об авторстве баллады Пушкина *Тень Баркова*: новые аргументы», прочитанному им 10 марта 2004 г. в Институте высших гуманитарных исследований (ИВГИ) РГГУ. (*Примеч. ред. – Д.И.*)

³ *Даль Владимир*. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Олма-пресс, 2002. С. 470–471. Все цитаты из Даля – по этому изданию.

⁴ *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. Т. 1. С. 80–81; *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1999. С. 109.

⁵ Здесь и далее все примеры принадлежат автору статьи. Задача: представить как можно шире разные стилевые контексты, жанры и жизненные ситуации употребления данного слова – от науч-

ного до бытового, от научной фантастики и авангардной прозы до школьного сочинения и деревенской частушки. Все примеры выделены петитом.

⁶ Глагол «ярить» — плотски любить, обладать; действовать ярю, пылко, с напором. О корне «яр» и его производных см.: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar8.html>

⁷ Подробнее на эту тему см.: *Эпштейн Михаил*. Эдипов комплекс советской цивилизации // М. Эпштейн. Вера и образ: Религиозное бессознательное в русской культуре XX века. Тенесси (NJ): Эрмитаж, 1994. С. 195–204.

⁸ *Левин Юрий*. Об обценных выражениях русского языка // Антимир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература / Сост. Н. Богомолов. М.: Ладомир, 1996. С. 119.

⁹ *Шевелев Игорь*. Год одиночества. М., 2002. Фр. 45 (без указания издательства и постраничной пагинации).

СОДЕРЖАНИЕ

Д.Г. Иоффе. От редактора 5

ЛОКУСЫ ОПИСАНИЯ

К постановке проблемы изучения
эротических координат культуры

Леонид Геллер (Лозаннский университет). В поисках *Нового Мира Любви*. Русская утопия и поливалентная сексуальность. Пер. с фр. *Дм. Калугина* 15

Д. Ранкур-Лаферьер (Калифорнийский университет. Дэвис). К постановке проблемы семиотики пениса. Пер. с англ. *М.Д. Клебанова и Д.В. Соловьева* 45

МИР КОМПАРАТИВИСТСКИХ СХОЛИЙ

Этапы синтеза
в очерчивании конкретики сюжетов

М. Клебанов (Университет Технион. Хайфа–Торонто). К трансгрессии внутреннего опыта, или Бесконечная история означающего: Пределы эротографической стилистики у Жоржа Батая и Пьера Гийота 107

А.А. Аствацатуров (СПбГУ). Эротическая утопия и симулякры сознания у Генри Миллера 134

В. Хазан (Иерусалимский университет). «Могучая директива природы»: Три этюда об эротических текстах и подтекстах 158

СПЕЦИФИКА РУССКОЙ ПАРАДИГМАТИКИ

Отдельные case-studies
русского литературоцентричного звена
науки о культуре

М.В. Михайлова (МГУ). Эротическая доминанта в прозе русских писательниц Серебряного века 213